

В ожидании прибытия XXI века...

Чингиз АЙТМАТОВ — посол Киргизской республики в Королевстве Бельгия, Королевстве Нидерланды и Великом Герцогстве Люксембург. Постоянный представитель при Комиссии европейских сообществ и при ЮНЕСКО с резиденцией в Брюсселе. Автор прекрасных повестей — «Первый учитель», «Прощай, Гольсары», «Белый пароход», романов — «И долгие века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры».

Известия - 1998 - 7 февр. - с. 3

Чингиз АЙТМАТОВ

Жить — это постоянно решать, чем мы будем.
Хосе Ортега-и-Гассет.

На Эйфелевой башне в Париже, почти на высшей точке этой знаменитой конструкции, установлено огромное электронное табло со светящимися четко и строго цифрами, видными отовсюду с набережной Сены, отмеряющими ежесуточно дни приближения к 2000 году, к XXI веку, к третьему тысячелетию.

Сегодня, допустим, светится цифра 707, а завтра будет 706, потом — 705 и т.д. И наступит пора, когда тем, кому это приведется, можно будет отсчитывать оставшиеся дни, что называется, на пальцах рук... Вот осталось 5 дней, вот 4 — 3 — 2... и сгибаешь последний палец...

А пока подле Эйфелевой башни жизнь пребывает своим ходом. Всюду людно. И, насколько хватает глаз, вдоль берегов Сены и поперек компьютерные файлы образ мыслей и побуждения едущих в автомашинах куда-то и зачем-то. А толпы парижан и прибывших повидать сей град эйфелевых паломников заполняют тем часом площади, скверы, примыкающие улицы и аллеи. Им всем потребно пребывать тут сейчас и здесь собственной персоной, и над всем этим пространством сверху глядит с электронного табло на мир очередная цифра приближения к 2000 году... Завтра сменится еще один день ожидания...

Итак, чего мы, собственно, хотим, чего мы так ждем, почему мы так заклинились на этой дате? Ждем прибытия XXI века. Мы ждем или, простите, нас ждут? Складывается впечатление, что там впереди что-то есть, что в грядущих днях нас кто-то или что-то ждет, уж не инопланетяне ли, и мы томимся ожиданием и готовимся к этой встрече душой и телом и поэтому подводим транснациональные итоги минувшего бытия, анализируем, обобщаем, прогнозируем, составляем каталоги историй, пусть не всегда нас украшающих, спешим предстать в предвидениях, в переключках и уточнениях, чтобы всем достойно выглядеть, когда нам отворятся двери нового века. Вот, мол, мы здесь, здравствуйте! Кто вы будете? А мы!...

Прекрасная иллюзия! Посмеемся слегка сами над собой. А впереди ведь ничего особенного нет. Абсолютно ничего и никого, ничего, кроме встречного движения физического времени, что от нас олягает абсолютно не зависит, слава Богу. И, однако, существуют те, что ждут нас всерьез, они есть, те, что явятся к нам на встречу с открытыми объятиями, — это мы сами! Такие, какие мы есть, и такие, какими мы сможем быть завтра. Это и будет XXI век. И если отвлечься от объективных моментов, определяющих историю и цивилизацию, таких, как общественные и государственные системы, уровень производительности труда и совершенствование технологий, уровень наук и прочие слагаемые, то лик нового века уже с нами, в нас, т.е. в субъектах, коим предстоит обозначить новый период календаря и поднять за собой новые поколения.

Но пока суд да дело, прикинем приблизительно, поглядывая на эйфелево табло, что привнесем мы с собой в наших классических натурах в новый срок истории — в достижениях и преступлениях, в познаниях и предрассудках, в войнах и примирениях, в искусстве и халтуре, в правде и лжи, в религиях и ересьях, в любви и ненависти, в конкуренции и зависти, и т.д. и т.п. о Боже, конца и края нет тому, что мы несем в себе по жизни во всех проявлениях добра и зла, света и тьмы, это и ждет нас, это и будет XXI век? Но другого не дано.

Массовая культура — это языческий шаманизм, воскресший в XX веке

Еще и еще раз убеждаешься, терзаясь в душе и поражаясь тому, как на крутых перепадах истории наиболее драматичным и ранимым образом слагаются судьбы культуры, ее парадигмы развития. Другие стороны жизни так или иначе направляются, намечается тенденция преодоления кризисов, а застигнутые рыночным «тестированием» врасплох и как бы в наказание за долготлетнюю иносистемную отстраненность наши «новосозревшие» национальные культуры (Россия вообще не исключается) мучаются сейчас между необходимостью сохранения исконной самобытности и антиitezой тому, берущей прямо-таки за горло необходимостью адаптации к тотальной массовой культуре, к «попсам» современности. Отсюда возникает жизненно важный вопрос: насколько и как сумеем принороваться национальные культуры к воле и диктату мирового рынка, чтобы быть востребованными в изменяющихся условиях у своего же народа, в особенности у молодых поколений? И опять же вопрос: в чем, в каких измерениях проявятся новые формы модернизации национальных культур, а в чем, напротив, постигнут их разрушение и деградация? Какова будет их участь?

Кстати, совсем не случайно именно об этом шла речь в состоявшемся минувшим летом иссык-кульском форуме, где главной темой международной встречи под эгидой ЮНЕСКО было обсуждение национальных и глобальных аспектов культур накануне XXI века. Мнение иссык-кульских участников свелось к тому, что национальный фактор на данном этапе исторического развития является главной базой культуры, особенно в сфере культур. Отмечалось, что в сферах ку-

лтуры, каждой страны национальные культуры несут с собой зачинающую энергию национально-самосознания, опыт духовных ценностей и достижений цивилизации. И вместе с тем таят в себе и то, что может обернуться негативным образом, когда спекуляция национальными приоритетами порождает культ национализма и фанатизма, ослепляющие страсти нарциссизма, этнической исключительности — превосходства в происхождении, ведущих в конечном счете к межэтническим конфликтам с соседями, а затем к неизбежному заложничеству, к мукам в плену реванша и кровной мести.

В этом смысле пристальное внимание к проблемам национальных культур и изнутри, и извне сочетают в себе актуальную и ответственную миссию современных интеллектуалов и политиков. Для них — для тех и для других здесь общая обсерватория, палата дискуссий и скамья подсудимых.

Куда последуют тенденции грядущих цивилизаций, насколько смогут быть совместимы национальные различия культур в едином контексте мирового многообразия, как достичь максимального единодвижения на этом универсальном пути духа и тем самым предпослать поступкам отдельных личностей стратегию совокупной деятельности человечества — во многом будет зависеть от эволюции сегодняшних национальных культур, от степени их единства в многообразии.

Каждая культура требует своего места под солнцем, свой выход на свою сцену, свои возможности творчески реализоваться, но в то же время она не может быть только сама по себе. Опыт свидетельствует, любая культура полноценно развивается в том случае, когда она соприкасается, взаимодействует, взаимообогащается в партнерстве с другими культурами. Из того складывается то, что принято называть общечеловеческой мировой культурой.

В параметрах нынешней истории этот процесс все больше осложняется, подвергается изменениям и мутации в связи с тем, что местные культуры попадают под жернова такого глобального явления, как массовая культура второй половины XX века. Я не хотел бы утверждать, что масскульт нечто совершенно чудное, далекое от подлинных ценностей. Это не совсем так. Тут справедливо применять иные измерения. Массовая культура есть комплекс рынка и новых «технологий» искусства, порождение современных коммуникаций, и благодаря тому массовая культура, особенно в западном ее варианте, обладает оглушающей силой и супервливанием на духовный мир человечества в параметрах всего земного шара, жеелама мы того или нет. Я бы даже представил массовую культуру как современный «шаманизм», как магический дух электронно-лазерного экстрасенса.

Поразительное явление — языческий шаманизм воскрес в XX веке в преображенном облике и нашел свой момент истины, свою новую ипостась, когда техническая оснащенность действий способствует взрыву энергии, единовременному скоплению и соучастию в сенах масскультула десятков тысяч, а через телевидение — сотен миллионов людей. Есть, конечно, разница между природным, колдовским, ритуальным шаманизмом, движимым бескорыстным служением духу внутренних стихийных побуждений, и нынешним электронным шаманизмом, несущим лавинные деньги в одночасье. Так что Майкла Джексона, к примеру, можно считать гениальнейшим шаманом XX века! Такого не было и не могло быть в предыдущих докибернетических эпохах.

Сила массового искусства в наглядном и неотвратимом действии рыночного спроса — предложения. Рынок же вселил по той простой причине, что его искусство, опять же с гениальной простотой и цинизмом, сумело прочно и навсегда оседлать коня с тремя головами, коня исподних и базовых инстинктов, живущих в нас от животной стихии — голода, страха, секса — со всеми их бесчисленными вариациями в различных жанрах и действиях. На том и скачет модернизм, гремя копытами по миру...

Искусство же избирательное, «поштурного» издается, искусство глубинного художественного проникновения с потаенной философией благородства, предназначенное индивидуальностям, духу интимности — оказалось бессильно, затоптанное толпой... Иные из нас говорят — так тому и надо! Ударим по воротам, и стадион воскричит и вознемеет в экстазе!.. А что еще надо!

Но это не выход из положения. Если даже браво Голливуд «голливузирует» весь мир, все части света, к чему он и стремится как «самомонополизирующаяся» сила рыночного экрана XX века, — все равно с этим, иждивенчески ослаждаясь, мириться трудно... Надо искать параллельные и партнерские пути «добычи своего хлеба» в торгах на том же базаре.

Да, массовая культура — есть рыночная «лоббистка». В этом ее сила и опасность. Да, перед лицом масскультуры национальные культуры имеют полное право на самосохранение, на самозащиту, чтобы не утратить присущие им своеобразия. И в то же время, чтобы выжить, местным культурам предстоит искать путь компромисса и взаимодополнения со вторгающейся массовой культурой эпохи либерализма, во всей вероятности, такое положение вещей надо воспринимать как новый исторический шанс, как синтез традиций и модернизма в эру де-

мократизма. Наиболее интересный процесс в этом смысле наблюдается в нынешнем Узбекистане. Примером тому может служить ансамбль «Ялла».

Когда религия включается в политику...

На иссык-кульском форуме эти размышления о национальных культурах проявились в еще одном чрезвычайно актуальном и сопутствующем аспекте. Речь зашла о религиозном факторе в современных условиях, и не столько о религиях как таковых, достигших своего апогея задолго до систем нынешнего мира, но о тех явлениях, когда религия срывается с национализмом и порождает очень сложный гибридный разрушительный этнополитический свойства.

Примеров много предостаточно — от Таджикистана до Алжира, от Боснии до Ирландии, от Афганистана до Ближнего Востока и т.д.

Иначе говоря, как только религия включается в политику, не сумев возвыситься над греховной сутью нашей (а безгрешных политидеологий не бывает), так стоит опасаться последствий такого альянса. На мой личный взгляд, религия не должна призывать к борьбе непосредственно с кем-то, с кем-то, и по большому счету у религии не должно быть врагов в привычном понимании этого слова, врагов, с которыми она вела бы политическую схватку, находясь лишь на стороне своих приверженцев, религия не должна быть орудием борьбы одной части населения против другой.

Казалось бы, известные истины, и путь для кого-то спорные, и тем не менее современным религиям не хватает в этом смысле божественного потенциала быть над людскими страстями, быть действующей моделью наивысшей морали, нравственности, гуманизма в понимании любви к людям через любовь к Богу. Ибо любить Бога, если переступить через абстракцию, значит любить Его творения — людей, род людской, пусть даже очень далекий от совершенства. Но на то и религия, на то и культура, которым ниспослана миссия духовного «локомотива» — постоянной тяги, продвижения человеческой сущности через падения, срывы, взлеты, ренессансы эпох, через грехи и покаяния к высотам совершенства... Дух человеческий в этом измерении — космос...

Когда деньги космически всеисильны

Но персонально время нам строго отмерено... Стоит ли гадать-предсказывать, пока мелькают цифры на Эйфелевой башне? Какие мы исходим на корню, какими мы сумеем стать в развитии — тому и быть. И это касается, разумеется, всех нас, вместе взятых на планете. Дело тонкое...

Но вот думается между тем: так ли уж изменились мы в новые времена? Насколько к лучшему, насколько к худшему? Преобразимся? Возвысимся? Воспарим в духе?

Какими мы предстанем перед собой в предвосхищаемом всеми XXI столетии? — вопрос не праздный для любого, кому доведется пребывать и проживать в ту пору. Да и тем, кому такого не будет дано, тоже не безразлично. У каждого может быть свое видение. К примеру, очень хотелось бы, чтобы так и свершилось, что так и будет — сбываются прогнозы и программы научной футурологии, предсказывающей новый подъем либеральной цивилизации в странах, что принесет экономические и социальные упрочения в обществах. Нынешнее состояние мира тому гарантия.

Но вместе с тем я испытываю свои опасения. Иные читатели на здешних конференциях по Европе спрашивают меня — почему я такой пессимист, и высказывают мнение, что я человек трагического мировосприятия. Не спорю, возможно, таким уродился.

Так вот то, что меня тревожит, прежде всего в пределах родимопостсоветских, так это шаткость, каверность человеческого бытия, когда деньги космически всеисильны, никакой дьявол, никакая идеология сравниться с ними не могут. На что социализм, претендовавший на мировую революцию, пытался одолеть дело, а получилось наоборот. Да, самоорганизация человеческого общества невозможна без денег ни дня, ни часу. Понимаю...

И возникает запрос к истории — сможем ли мы в новом столетии (задача для потомков) хоть как-то сбалансировать, вернее, скорректировать влияние и силу денег в сторону откровенно бескорыстных, идеалистических приоритетов бытия, добиться, изыскать формы и методы служения тому капиталов или будет продолжаться прежний крен корабля — все большей порабощенности живого духа сим абстрактным владетелем мировых ценностей, а потому необоримым титаном? У уже не говорю, допустим, о роли и диктате денег в таких унифицируемых сферах, как наука, искусство, включая и литературу, гуляющую ныне по базарам даже без мини-юбки. Молчу о том же киноискусстве, вознемаемом в глобальный супербизнис с телевидением на подхвате. Не об этом пока речь. Увереляют, что со временем все перевернется, все устроится, в общем, культура выживет, оклемается и т.д. Дай-то Бог!

Да и что там культура и около того, когда другие жизненные горизонты охвачены пылающим пожаром коррупции, мафиозности, грабежей и бандитизма, насилия и попрания законов, беззастыжнито и дело на лопатки кидаящим, покаленную демократию, и что все это якобы проявления неизбежной

детской болезни пока неустоявшегося общества... Можно и это понять с горечью и отчаянием, надеясь, что переживем и такую беду.

Жертвоприношение богу войны

Но то, что меня потрясает и с чем я никак не нахожу внутреннего примирения, так это то, с каким беспрецедентным цинизмом, с какой лихостью и одновременно деловитостью и широчайшей «макдональдской» рекламой процветает ныне бизнес торговли оружием. Существуют уже громогласные корпорации, занимающиеся этим исключительно доходным делом, оперируя на суше, на море, в воздухе и, конечно, в «преисподне»... (Простите, опять деньги...)

Понимаю — конкуренция на мировом рынке оружия, понимаю — отслеживаются колоссальные сделки, а раз так, то все остальное, всякие там мелочевки насчет «мира во всем мире» напрочь отбрасываются. Понимаю, наконец — мы все, весь род людской, все как один заложники бога войны, а он-таки существует, треклятый, от дней сотворения... И вот сейчас в угоду ему происходит на земле усиленное вооружение. И мы все на удочке, одни продают оружие, другие покупают, вооружаются и дают деньги на продолжение эскалации, на гонку эпидемии этой пагубы и гибели.

И тут вселенский абсурд — или мы с ним, приносим ему, богу войны, кровавые жертвоприношения, а беспричинных войн нет, тому миллионы причин и оправданий, или мы без него и, значит, без оружия — и тогда мы как без рук, и тогда мы беспомощны, обречены стигнуть, не умея жить в мире. А думаем ли о том, чем компенсировать отсутствие войн, если такое вдруг приключится? Никто не знает. А потому оружие всегда было прежде хлеба... Трагично, действительно трагично и бесысходно.

Но ведь было уже на нашем веку, ведь недавно еще, только сошедшая со сцены эпоха послевоенных и перестроечных лет, если и внесла что-либо великого и уникального в мировую историю, в летопись XX века, то это был как раз тот удивительный порыв человеческого духа, всемирное движение за мир, преодолевшее немислимое, непреодолимое в веках — парадигму необходимости и обязательности войны как таковой. Спасение совершилось. Но коротка наша грешная память. Теперь это миф, отсыпавший пылающей кометой, пронесшейся над человечеством, озаривший триумф разума. Сама идея и даже фраза «борьба против гонки вооружений» начисто исключена ныне из употреблений и политиков, и бывших борцов за мир. Ее обходят издали, да поскорей, потому как все больше обвешиваемся мы самым разнообразным оружием, пусть не атомным, хотя и это где-то под вопросом, мало ли таких, что хотели бы иметь его в запасе, и теперь бряцание оружием — как бряцание монетами в пригоршне. И то и другое взаимосвязано... Так получается. Чем больше продашь оружия, тем больше его произведется.

И все больше напирает, нагнет торговля оружием в мире... Злорадствует, торжествует, мстит за недавний мораторий века... Проблема неразрешимая, человечество пока вынуждено производить оружие, и те слои, что заняты этим, на то и живут, впустую вгоняя и труд, и энергию, и средства в необратимое бесполезное действие. И снова вернулись мы оптом на круги своя, интеллигенция почему-то молчит и на Западе, и на Востоке, видите ли, национальные интересы, а их можно истолковать кто как умеет. Оказавшись превыше и важнее всего, эти перипетии с «национальными интересами» есть крупнейшее противоречие в роду и судьбе всего человечества. Беда на круг. А по отдельности каждый посвоему прав, и полагаются в случае чего на оружие, на войну... Вот так мы устроены — люди грешные и простые смертные, повинные в собственных бедах, понимающие и страдающие от собственных фетишей, губящие на войнах и снова воюющие... И все больше накапливающиеся оружием, оружием, оружием! А раз так — гони деньги, клади в карман, возноси на хребте капитала, торжествуй, триумфствуй, безумствуй... Демократия все выдохнет, свобода всему даст волю. И добро, и худо...

А если действительно Бог сотворил человека по своему подобию, как утверждают великие религии, то не очень-то позавидуешь и Ему. Мог бы придумать что-нибудь поинтереснее, во всяком случае, что-нибудь пологичнее... Но что есть, то есть.

Простите, вот такой я пессимист, не зря, видно, читатели упрекают меня в том...

И не мне бы, казалось, многие лета уже позади, сильно терзаться, глядя на табло Эйфелевой башни, отмечающее ускоряющееся приближение нового захода истории и последующих дней земных, несущих в себе тайну будущего дотей наших, ведь апогей моего поколения уже позади. Это было недавно и уже давно — когда мы боролись за мир во всем мире. Кому-то из нынешней олигархии смешна даже память об этом. Пусть. Но это мы преодолели тоталитаризм, это мы вышли к демократии. А как и насколько творчески преобразила свою эпоху молодое поколение?

Финиш XX века — достиг XXI. История напоминает... Уже досторис отдаленный звон колокола нового тысячелетия... Вь слышите?